

◆ ИЗ ПИСАТЕЛЬСКИХ БИОГРАФИЙ

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Александр Серафимович Серафимович в своих воспоминаниях рассказывал о юноше из станицы Каргинской, в груди которого «вспыхнула жажда битвы за счастье трудящихся... Вот почему он... бился с куланами в продотрядах. Вот почему он участвовал в борьбе с бандами».

Отчаянный был юноша! Его земляки рассказывали о том, как он вступил в ударный продотряд и вместе со взрослыми разъезжал по хуторам, ходил по дворам, агитировал, вылавлял хлеб. А что касалось участия в борьбе с бандами, ему довелось с оружием в руках погоняться за некоторыми из них...

«И банды гонялись за нами», — признается он в своей автобиографии... Известен даже случай, когда под хутором Коньновым во время бандитского налета юноша и самому батюке Махно в плен попал. Чудом уцелел...

Кто же этот юноша? Им был пятнадцатилетний Михаил Шолохов.

Он и тому времени уже увлекся литературой, пробоав себя в журналистике. Много читал, особенно Пушкина и Толстого, Гоголя и Чехова. Играл в драмкружки. А вот о том, чтоб уверенно ступить на литературно-художественную стезю, стать писателем Михаилом Шолоховым, он тогда не помышлял. Почему я так думаю?..

В 1923—1924 годах я работал в московской комсомольской газете «Юношеская правда»; затем она стала называться «Молодой ленинец». На страницах ее одна за другой появились злободневные, острые статьи «Испытание», «Три», «Резибор». Я не имел прямого отношения к их публикации. И даже не обратил особого внимания на странную фамилию автора — М. Шолох...

Я занимался в редакции литературно-художественными делами, отвечал авторам в рубрике «Почтовый ящик». Редактор требовал, чтобы я подписывал своей фамилией ответы, дабы знать, с кого спрашивать. Мне неудобно было стазить под «Почтовым

ящиком» свою не очень известную фамилию. И я подписывал ответы инициалами: А. Ж. Инициалы эти до 1955 года не были расшифрованы.

И вот в редакцию пришел первый рассказ Шолохова, подписанный его полной фамилией. Прочел я этот рассказ, прямо скажу, с упоением, какого не мог скрыть от товарищей из других отделов.

— Ты предлагаешь печатать рассказ? — спросил редактор.

— В таком виде нет, — ответил я.

— Печатать будем, если автор доработает его.

«Твой рассказ, — писал я, — написан сочным, образным языком. Тема его очень благородна. Но это еще не рассказ, а только очерк. Не спеши, поработай над ним — очень стой!»

Вскоре Михаил Александрович прислал новый вариант своего рассказа, который был у нас опубликован 14 декабря 1924 года под названием «Родника».

В годы двадцатые, в начале начал, Шолохова поддерживали комсомольские собрания из тонких журналов, таких, как «Смена», «Журнал крестьянской молодежи», и еженедельника, органа московских комитетов партии и комсомола — журнала «Комсомолия», ответственным редактором которого привлеклось быть мне. В «Комсомолии» были напечатаны небольшие рассказы Михаила Александровича, появившиеся затем в его сборниках «Донские рассказы» и «Лазоревая степь».

Почти наверняка, но в 1925—1926 годах я, редактор «Комсомолии», ни разу не встречался с М. Шолоховым. Он редко заходил в редакцию,

Молодежные журналы, в которых печатался М. Шолохов в 1925—1926 годах.

и то на минутку. Был занят сверх меры: ночью писал, а днем ему приходилось зарабатывать физическим трудом на еду и одежду. Об этом рассказ мне секретарь нашей редакции, поэт Иван Молчанов, встречавшийся с Шолоховым в мое отсутствие.

— Снажи хоть, как выглядишь Шолохов? — спросил я Ваню Молчанова.

— В первый раз пришел Миша в рыжеватой шапке-кубани, лихо сдвинутой на затылок; на нем был какой-то необычный полувоенный поношенный пиджак...

Дебютировали тогда в журнале «Комсомолия» три молодых художника, студенты ВХУТЕМАСа М. Куприянов, П. Крылов и Н. Соколов. Они рисовали шаржи на авторов журнала — молодых писателей и поэтов; подписывали поначалу свои рисунки громоздко — всеми тремя фамилиями. А потом придумали себе компактную подпись: Кукрыниксы. Я

М. ШОЛОХОВ. 1925 г.

попросил их сделать для журнала шарж на Шолохова. Искли они Михаила Александровича, были у него в общежитии и — не нашли.

— Куда же он исчез? — спрашиваю.

— Говорят, пошел на какой-то вокзал вагоны разгружать. — Значит, его ночью иснять надо.

Шарж на Шолохова у Кукрыниксов все же получился, хотя пришлось зарисовывать его в полутьме...

Для нынешней читательской молодежи может показаться «туманной» моя, извлеченная из кладовых памяти зарисовка о первых шагах молодой советской литературы, которую, говоря словами Александра Фадеева, объединяет особое «ощущение нового мира... и любовь к нему». Эта слитность с новым миром, понимание, ощущение и безраздельная любовь к нему с особой силой прозвучали в произведениях Михаила Александровича Шолохова.

Вот чей талант
глубок и многоцветен!..
Поднявшись
до классических высот,
По всей родной стране
и по планете
По-богатырски Шолохов
идет.

Александр ЖАРОВ